

О сущности советской системы

УДК 320.9(47+57)



Людмила СЕМЕНОВА,
доктор исторических
наук, профессор

Людмила СЕМЕНОВА. О сущности советской системы. В контексте западной гуманитарной науки устройство советского общества представляется исключительно в негативном свете, как недемократическое с тоталитарным политическим режимом, административно-командной системой и т. д. Автор полагает, что для познания сущности советского строя нужен иной методологический инструментарий, другие теории, выросшие из адекватного понимания реалий русской антикапиталистической цивилизации.

Ключевые слова: советская система, тоталитаризм, административно-командная система, мировая капиталистическая система, антикапитализм.

Liudmila SEMYONOVA. On the essence of the Soviet system. In the context of Western humanitarian science, the Soviet social system is viewed only in a negative light, as undemocratic with a totalitarian political regime, an administrative command system, etc. The author believes that in order to grasp the essence of the Soviet system, one needs other methodological tools and other theories based on adequate understanding of the realities of the Russian anti-capitalist civilization.

Keywords: Soviet system, totalitarianism, administrative command system, world capitalist system, anti-capitalism.

1 января 2019 года исполняется 100 лет со дня провозглашения Белорусской Советской Социалистической Республики – по сути первого белорусского национального государства, просуществовавшего чуть более 70 лет (1919–1991). Солидный срок по меркам современного быстротекущего времени. После распада СССР в Республике Беларусь в наибольшей степени сохраняется преемственность с советским прошлым как в государственных институтах, так и в народных традициях, памяти.

Какова сущность советского строя? В чем заключается главный смысл БССР для нашей отечественной истории? Каково значение и место во всемирном исто-

рическом процессе СССР – той большой советской социальной системы, неотъемлемым элементом которой была БССР? Полагаем, что без ответов на эти вопросы не может быть адекватного понимания нынешней Республики Беларусь и путей ее будущего развития.

Советская, да и современная историография истории СССР и БССР весьма обширна. Обе они преуспели в воссоздании самых разнообразных деталей и аспектов советской действительности. Однако с точки зрения теоретического осмысления сегодня следует признать, что именно советская, а не современная либерально-демократическая историография была более близка к постижению истины, притом что она без устали «пела» СССР в основном хвалебные оды. В ней советский строй определяли как форму диктатуры пролетариата, затем подчеркивался общенародный характер советского государства, его миссия в построении социализма, развитого социализма и коммунизма, руководящая и направляющая роль Коммунистической партии как ядра политической системы, всех государственных и общественных объединений. Именно эти тезисы сейчас и подвергаются неистощимой критике и различным выпадам.

В современной отечественной историографии для характеристики совет-

ОБ АВТОРЕ

СЕМЕНОВА Людмила Николаевна.

Родилась в г. Алматы (Казахстан). В 1986 году окончила исторический факультет Казахского государственного университета имени Аль-Фараби, в 1990 году – аспирантуру Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Преподавала в Алматинском энергетическом институте и Казахском государственном университете. В 1997 году прошла научную стажировку в университете Кентукки (США).

В 2000–2006 годах – доцент Международного гуманитарно-экономического института, в 2006–2012 годах – доцент Института парламентаризма и предпринимательства. С 2012 года – профессор кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ.

Доктор исторических наук (2012), профессор (2017).

Автор более 100 научных работ, в том числе ряда учебных пособий.

Сфера научных интересов: управление во всемирно-историческом процессе, мировая система капитализма, социально-экономическая история нового и новейшего времени, история Великобритании и ее доминионов, тред-юнионизм, лейборизм, социальный реформизм, социальное партнерство, история Беларуси.

ского строя вслед за российской либеральной историографией тоже чаще используют формулы с негативным смыслом: «тоталитаризм», «диктатура», «административно-командная система», «застой» и т. д. Вот только некоторые заголовки разделов из пятого тома «Беларусь у 1917–1945 гг.» шеститомного издания «Гісторыя Беларусі»: «Савецкая Беларусь ва ўмовах таталітарнай сістэмы», «Украаненне адміністрацыйна-камандных метадаў у эканоміку», «Усталяванне дыктатуры партыі» и т. д. [1].

Но что все вышеперечисленные формулировки дают для понимания сущности советского строя? Что такое административно-командная система? При структурном способе управления в любой управленческой системе, будь то в государстве или каком-либо учреждении, всегда создаются органы управления – администрация. Эти административные органы отдают приказы, распоряжения, команды, то есть командуют. А то, как они это делают, каков стиль их командования, зависит, прежде всего, от субъектов управления, людей-управленцев, от их культуры, понимания, влияющих на них обстоятельств и т. д. В любой стране, на предприятии, в учреждении действует своя административно-командная система. Она существовала в СССР, да и в США вряд ли управляются без всякой администрации исключительно рыночной самоорганизацией и демократическими лозунгами.

Употребляя термин «административно-командная система» применительно к СССР, как правило, подразумевают исключительно жесткость управления, диктат, отсутствие обратной связи. Но в отношении последнего тезиса это отнюдь не так. Именно созданные советской системой советы, пронизавшие все сколько-нибудь значимые институциональные структуры государственной власти от верховного до местного уровней, как раз и являлись каналами обратной связи, взаимодействия власти и народа в пределах страны, управленцев и работников внутри учреждений. Другое дело, как они использовались. Хотели ли, на-



пример, рядовые преподаватели и работники вуза в своем совете поднять важный для них вопрос и принципиально его обсудить? На первых порах хотели – и обсуждали, и решали. С годами же все изменилось, затянувшись бюрократической рутинной. То же самое можно сказать и о Верховных Советах, а также Советах других уровней всего СССР.

Начало формирования советской системы большевик из Гомеля, участник Октябрьской революции и гражданской войны М. Хатаевич охарактеризовал как «... процесс проникновения советской руки во все углы и закоулки прежнего аппарата и переустройства его на новый, советский лад...» [2, с. 375]. Действительно, «советская рука» вошла в прежний аппарат управления, создав в нем новые возможности и направив его на выполнение новых задач. В этом смысле Советский Союз являлся по своей сути общенародным государством, отличным от западных с их псевдодемократическим партийно-политическим фасадом, скрывавшим реальные механизмы власти капитала.

С административно-командной системой неумолимые критики также в нега-

тивном смысле связали и планирование. Например, в вышеупомянутой шеститомной «Гісторыі Беларусі» читаем: «Гэта сістэма (административно-командная. – Л.С.), якая грунтавалася на строга планавым вядзенні гаспадаркі, слаба прадугледжвала прымяненне эканамічных метадаў стымулявання працы» [1, с. 266]. Авторы постарались развести в нашем сознании план и рынок: дескать, социалистическая экономика плановая, а капиталистическая – рыночная и саморегулируемая. Но это абсолютно неверное противопоставление.

Стоит заметить, что любое управление – это плановая деятельность, выявление объективных возможностей и целеполагание, а постановка целей – это всегда план. Более того, капитализм и социализм как формы общественного устройства отнюдь не сводятся к производственным отношениям и тем более методам стимулирования труда. Они лежат в управленческой системе взаимодействия правящей верхушки и народа. По мнению Дж. Арриги, под капитализмом следует понимать систему контроля над производством, рыночными отношениями и политикой государств [3, с. 6]. Если управленческая элита присваивает некий общественный ресурс (людей, землю, капитал), устанавливая на него собственность, и на этой основе ради собственных классовых интересов эксплуатирует народ, то это эксплуататорские системы – рабовладение, феодализм, капитализм соответственно. Если же присвоения, частной собственности и эксплуатации нет, то это неэксплуататорский строй – социализм. Рыночные отношения, денежные методы стимулирования труда, формы найма рабочей силы, планирование на предприятии и в стране в целом – это принципиально иные экономические категории, которые есть в любой системе общественного устройства.

Ценные наблюдения в рамках разработанной им «клеточной структуры общества» сделал известный философ А. Зиновьев. Клеточками он называл все разнообразные объединения людей: предприятия, группы, фабрики, боль-

ницы, школы, учреждения власти и т. д. Клеточки имеют свою специализацию в общественной деятельности и свою административно-командную систему, то есть являются управленческими системами. Толпа на улице, пассажиры в поезде, зрители на стадионе не являются клеточками. А вот те, которые обеспечивают удовлетворение материальных и духовных потребностей людей, – это деловые клеточки.

Ко второй группе, согласно теории А. Зиновьева, «относятся клеточки, которые обеспечивают целостность и охрану общественного организма, общественный порядок, выработку и соблюдение правил поведения людей и их объединений относительно друг друга» [4, с. 53]. Это коммунальные клеточки. Клеточки одной группы порой выполняют функции клеточек другой группы, а также существуют смешанные клеточки. Существенным признаком различия западного капиталистического и советского коммунистического обществ философ считал соотношение делового и коммунального аспектов, которое проявляется в том, как ведут себя клеточки. Для западного общества, в основе которого лежит капиталистическая экономика, характерно доминирование делового аспекта над коммунальным. И деловые, и коммунальные клеточки, прежде всего, руководствуются экономическими соображениями прибыли, обслуживая интересы капитала, выступая в качестве его функции, точно в соответствии с формулой «капитал – власть».

В деятельности клеточек советского строя явно преобладает коммунальный аспект. Эти отношения вполне можно описать противоположной формулой «власть – собственность». А. Зиновьев подчеркивал: если капитализм вырос из экономических отношений, то коммунизм вырастает из отношений совсем иного рода, коммунальных. Они по своей сути есть не что иное, как представления о справедливости, общественной целесообразности, безопасности, удовлетворении потребностей для всех и т. д. Также философ обратил внимание на то,

что «линии капитализма и коммунизма лишь соприкасаются и пересекаются в истории, а не образуют отрезки одной линии» [5, с. 21]. Значит, в капитализме и коммунизме можно увидеть различные глубинные цивилизационные корни, их породившие. Это не что иное, как западная и русская цивилизации.

Соображения А. Зиновьева проливают свет на административно-командные системы западных капиталистических и советских коммунистических клеточек. Служение капиталу административно-командной системы в первом случае и воспринимается как ее отсутствие, ведь нет прямых команд обществу, есть лишь интересы прибыли и рентабельности. Тогда как наличие таких команд в советских клеточках говорит в пользу якобы жесткости наличествующей административно-командной системы.

А. Зиновьев указал на еще одну важную особенность западных и советских клеточек. По его словам, «в деловых клеточках западнизма нет никакой внутриклеточной демократии. Внутри клеточек царит трудовая дисциплина, можно сказать, деловая диктатура. Западное общество, будучи демократическим в целом, то есть политически, является диктаторским социально, то есть в деловых клеточках. Демократия, права человека, гражданские свободы и прочие атрибуты свободного общества нужны Западу как внешняя компенсация за отсутствие их в деловой жизни» [4, с. 67].

Советские коммунистические клеточки являлись полной противоположностью западным: жесткой трудовой дисциплины и деловой диктатуры в них точно не было. В оценку сотрудников коммунистических клеточек включались многочисленные внеделовые, то есть коммунальные, качества (партийность, общественная работа, активность, моральный облик, связи и т. д.). Если в западной деловой клеточке человек только работает, а живет, по сути, вне ее, «внеклеточной жизнью», то в советской деловой клеточке человек и работал, и жил.

«Клеточная структура общества» высвечивает неожиданный аспект в пред-

ставлениях о тоталитаризме – еще одном не менее распространенном клише для характеристики советского строя. При уточнении, что советский тоталитаризм был левым, т. е. ориентированным на социалистический интернационализм, тогда как фашистский тоталитаризм – правым, основанным на национализме и расизме. Так вот, А. Зиновьев на основе сформулированного им закона «постоянства суммы демократизма и тоталитаризма» делал вывод, что именно западное общество является «тоталитарным в самой своей основе – на клеточном уровне». Поэтому оно демократично в целом, в его надклеточной жизни. Тогда как в советском обществе, напротив, в целом демократичные клеточки способствуют установлению тоталитарного правления наверху [4, с. 69]. Хорошо подчеркнув специфику западных и советских клеточек, далее философ просто повторил азы западной политологии в отношении верховных органов государственного управления, тем более они логично вписались в его закон о постоянстве суммы демократизма и тоталитаризма.

Современная наука об обществе, по словам российского историка и философа А. Фурсова, «сконструирована так, что видит и изучает только видимую сторону, «материю», «мир», – для этого у нее есть триада «экономика, социология, политическая наука» [6, с. 73]. Политология изучает лишь внешний видимый слой управления общественными системами – государственные органы, гражданское общество и как результат взаимодействия между ними – публичную политику так, как они сформировались на Западе, и переносит данные категории на все другие незападные по своей цивилизационной основе общества, почти не учитывая их специфику. Кстати, установить соответствие между западными и советскими госорганами и высшими государственными должностями всегда было сложно.

На изучении конфигураций органов государственной власти, их соподчинения и иерархии, организации на верховном и местном уровнях, методов и стиля управления и строятся в основном все



характеристики государства, исследуемые современной политологией, такие как форма правления, государственно-территориальное устройство, политический режим (тоталитарный, авторитарный, демократический). Несмотря на то что две первые категории отнесены к формальным характеристикам, т. е. описывающим именно формы, а категория политический режим претендует на содержательность как исследующая методы управления, последняя и не дает собственно никакой содержательности.

Вспомним «отцов-основателей» теории тоталитаризма К. Фридриха и Зб. Бжезинского, сформулировавших «классические принципы» (в определении К. Фридриха – «синдромы») тоталитаризма. Первый признак – это наличие одной массовой партии. В нацистской Германии такой партией была НСДАП. Но это была партия западного типа, «корпорация публичного права», прорвавшаяся к власти, кстати, демократическим путем и запретившая все остальные партии. Как юридическое лицо она имела свою собственность. КПСС же не была «корпорацией публичного права» и юридически не имела собственности. Большевики подчеркивали, что отрицают понятие права в западном смысле, разделение общества на публичную и частные сферы, а признают лишь «классовое право» диктатуры пролетариата в борьбе против эксплуататоров. Поскольку КПСС

не была партией западного типа, не могло быть и ее партийной диктатуры. Это был отличный от западного коммунальный способ организации общества и его клеточек посредством особой массовой структуры.

Вторым синдромом тоталитаризма считают недемократический способ организации власти. Это жесткая иерархия, замкнутая на лидера, так называемый «фюрер-принцип». Однако так устроена любая административно-командная система. Все остальные признаки: официальная идеология и мобилизация масс, вмешательство государства в жизнь граждан, террористический полицейский контроль, монопольный государственный контроль над СМИ, – это норма для любого эксплуататорского государства как аппарата насилия в принципе. А степень вмешательства государства и террористичности полицейского контроля определяются текущей ситуацией.

Вообще государственные структуры отнюдь не единственные и тем более не главные в реальной системе власти и управления. Реальная власть боится публичности, она тщательно оберегает свои тайны, она криптократична по своей природе. В эти сферы политология даже не стремится, клеймя подобные попытки «теорией заговора», низкопробной «конспирологией» и т. д. Но сегодня ясно, что государственные институты (президентства, парламентаризма, правительства и пр.) на деле являются лишь публичным фасадом, за которым решения принимают другие. Это, конечно же, не одиночки, а люди, крепко спаянные, по определению А. Фурсова, в «наднациональных структурах мирового согласования и управления», связанных с мировой финансовой олигархией.

Информация о них благодаря исследователям и аналитикам Н. Хаггеру, К. Куигли, Дж. Перкинсу, А. Фурсову, В. Катасонову, С. Глазьеву, О. Четвериковой и другим начинает приходить к читателю. Как отмечает А. Фурсов, «...пока для теневой зоны, для К-структур, «темной материи», «антимира», т. е. для зоны, где принимаются главные решения, где

происходит реальное управление обществом, психоисторией в различных ее информпотоках, науки нет» [6, с. 73]. На наш взгляд, именно в этой зоне и этими структурами реализуются важнейшие управленческие приоритеты в рамках полной функции управления, а государственным органам конкретных стран, крепко зажатых в узкие коридоры возможностей, остается лишь выполнение дозволенных действий.

Сегодня все чаще пишут о «глубинной власти». На наш взгляд, отсюда и насаждается концептуальная власть. Она проявляется в таких приоритетах управления, как:

- методологический (цели развития, основы управления в вековых масштабах);
- хронологический (контроль над прошлым, историческое знание);
- фактологический (идеологии, учения, теории и т. д.);
- экономический (финансовое управление на основе мировых и национальных денег, осуществляемое мировой финансовой олигархией);
- геноцид (алкоголь, курение, наркотики, генная инженерия и т. д.);
- военный.

Вот где корень общемировой системы управления обществом. А современная политология решает лишь частные задачи: как организованы и функционируют органы государственной власти конкретных стран.

Так что же представлял собой Советский Союз? Это может быть понято только в контексте развития мировой капиталистической системы. В XIX веке в период британского цикла капиталистического накопления, лидерства Великобритании, достигшей необычайной мощи и сосредоточившей в своих руках рычаги мирового управления, Российская империя была втянута в мировую капиталистическую систему в качестве периферии. Однако, имея серьезные конкурентные преимущества, Россия все равно представляла для Британии потенциальную угрозу. К тому же решительный вызов Британии бросила

Германская империя. Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война и иностранная военная интервенция превратили Российскую империю в руины, края которой национальными сепаратистскими движениями и усилиями Запада отсекались в качестве «независимых» государств. Большевики, взявшие власть и выступавшие за мировую социалистическую революцию, тоже на первых порах способствовали этому разрушению. Однако даже в этих условиях они вольно или невольно сделали два важных дела. Во-первых, РСДРП(б), как социалистическая партия, идеологически провозгласила своей целью иную, нежели капитализм и библейский проект, концепцию развития, т. е. покусилась на святая святых мировой капиталистической системы – концептуальную власть. Во-вторых, разрушение империи и целенаправленная политика большевиков привели к уничтожению старой управленческой верхушки. Ей на смену впервые в истории человечества пришла новая управленческая элита – номенклатура, не имевшая собственности. Номенклатура с помощью партии выстроила принципиально новое, советское государство, в котором коммунальные принципы возобладали над деловыми.

Нэповская Россия, после жесткой политики «военного коммунизма» вводившая капиталистические принципы и открывавшая свою истощенную войной экономику иностранному капиталу, а также выступавшая за мировую революцию и Европейскую федеративную республику без границ, стала вновь отвечать интересам мировой капиталистической системы и быстро вписываться в нее в качестве периферии. Но в 1930-е годы произошло непредвиденное. Страна под руководством Сталина приступила к проведению индустриализации и коллективизации на собственной экономической основе, что позволило Советскому Союзу выйти из международного процесса накопления капитала, из мировой финансовой системы и таким образом отсоединиться от капиталистической миросистемы.

Советский социализм, по мнению А. Фурсова, стал именно системным антикапитализмом [7]. Антикапитализмом, так как основывался на сходной с капитализмом производственной базе – индустриальной. Начиная с Петра I, Российская империя только и делала, что догоняла Европу по промышленному производству. Но так и не догнала, оставшись лишь аграрно-сырьевой державой. Советский Союз нарушил правила игры мирового капитализма. Ему удалось создать надежную и адекватную индустриально-производственную базу, что подтвердила Победа во Второй мировой войне. Практически в одиночку СССР сломил военную машину гитлеровской Германии и всех ее союзников, возвращенную мировым капиталом. Это была самая честная и бескомпромиссная проверка мощи советской системы.

После войны Советский Союз на равных с теперь уже новым лидером – США – организовал биполярную Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений. Это было сделано благодаря советской управленческой системе и ее управленческой элите – номенклатуре 1930-х годов. Однако, начиная с «хрущевской оттепели», номенклатура стала меняться. Она не смогла организовать рывок в посткапиталистическое будущее, создать соответствующую производственную базу. В 1970-е годы СССР

отказался от конкуренции с капиталистической системой в пользу разрядки международной напряженности. После косыгинской экономической реформы 1965 года в советскую плановую социалистическую экономику начали постепенно внедрять капиталистические показатели. Сворачивая многие научно-производственные проекты, советская экономика уверенно пересаживалась на сырьевые рельсы. Номенклатура, получив физические и политические гарантии своего существования, искала возможности обзавестись вожденной собственностью. Стремительно происходила ее олигархизация. Так называемый «застой» 1970-х годов в действительности обозначал утрату вертикальной мобильности именно номенклатуры, был застоєм внутри нее, а не в экономике.

В 1970-е – 1980-е годы в капиталистической системе произошел неоконсервативный поворот, в результате которого финансовый капитал, одолев индустриальный, вышел на путь капиталистической глобализации. Политика перестройки в СССР стала трамплином на пути к капиталистической контрреволюции, возвратившей страны социалистического лагеря, бывшие республики СССР в лоно периферийного капитализма. Республика Беларусь здесь, пожалуй, единственное исключение. Но сейчас не об этом.

Советская история навсегда останется состоявшимся вызовом капитализму. По нашему убеждению, советский строй – это реальный антикапитализм, выросший из глубин русской цивилизации и русской власти, пробивший внушительную брешь в мировой капиталистической системе и показавший возможности некапиталистического обустройства общества, более справедливого и эффективного. Сегодня, в период демонтажа капиталистической системы, этот опыт является особенно востребованным. Только изучать его надо не в категориях западной общественной науки, являющейся порождением концептуальной власти мирового капитала, а другими методологическими способами. ▀

Статья поступила
в редакцию 09.10.2018 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. – Мінск: Современная школа, Эксперспектива, 2006. – 613 с.
2. Хатаевич, М. Гомельская большевистская организация в 1917 г. / М. Хатаевич // Рассказы-вают участники Великого Октября. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – С. 360–376.
3. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
4. Зиновьев, А. Запад. Феномен западнизма / А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1995. – 461 с.
5. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
6. Фурсов, А.И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств / А.И. Фурсов. – М.: Книжный мир, 2016. – 320 с.
7. Фурсов, А. Большая война XX века [Электронный ресурс] / А. Фурсов // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfurov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/2013-08-29-196. – Дата доступа: 30.05.2016.